

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Юрий ЛЕВАДА

Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах

Характеристики структурных компонентов происходящих в стране процессов остаются в фокусе исследовательского внимания и публичных дискуссий. Существует соблазн обособленного анализа и оценки указанных компонентов, когда упреки (или надежды) адресуются какому-либо одному из них — "власти", "элите", "народу", а взаимосвязи этих феноменов как бы остаются в тени. "Морализаторская", нормативная трактовка таких связей ("кто чего заслуживает") заведомо неплодотворна; более эффективной представляется анализ функциональной взаимобусловленности феноменов.

К *элитарным* компонентам общественных процессов правомерно относить более продвинутые (образованные, опытные, функционально дифференцированные, обладающие влиянием и властью) группы, организации, институты. За общим термином "элита" уже по определению не может стоять какая-то однородная и сплоченная общность, если, конечно, не иметь в виду варианты примитивных социальных организаций, для современной российской действительности давно не характерных. Элитарные слои и структуры в сферах (подсистемах) управления, культуры, бизнеса, просвещения, коммуникации, социальных услуг и т.д. специализированы и разобщены, это их "нормальное" состояние. В экстраординарных ситуациях общественной мобилизованности, возбуждения, эмоционального напряжения и т.п. формируются или активизируются консолидирующие механизмы (структуры), способные действовать "поверх" функциональных и "элитарных" барьеров.

Как известно, в ходе исторического развития многих обществ функции носителя нетрадиционных социокультурных образцов исполняли специфические (инородные в том или ином смысле, вплоть до пришельцев и завоевателей) группы. В России в такой роли с XVIII в. выступала имперская бюрократия, а с середины XIX в. также и конкурировавшая с ней интелли-

генция. С этими группами преимущественно связывались и представления об исторической (модернизационной, в сегодняшней терминологии — глобализаторской) "миссии" отечественной элиты. В советский период на такую миссию претендовала уже другая, государственно-организованная бюрократия, пользовавшаяся услугами всех элитарных структур, в том числе и бывшей интеллигенции.

Важнейшая характерная особенность всех российских элитарных групп — их *элитарная*, государствоцентристская ориентация, будь то позитивная (надежды на власть предрекающую) или негативная (демонстративно антигосударственная). Единственно значимой точкой отсчета оставалась государственная власть, причем более высокий ("элитный") статус неизменно означал не столько более высокую профессиональную квалификацию и репутацию, сколько большую приближенность к власти и большую зависимость от нее, притом всестороннюю — от сохранения статуса до личной безопасности. В такой ситуации статус измеряется не удаленностью от "низших" ступеней профессиональной и т.п. специализированной иерархии, а приближенности к условно-обобщенной неспециализированной "верхушке" социальной системы.

Ни социально-политические кризисы, ни смены режимов не внесли принципиальных изменений в такое положение вещей. Лишним подтверждением может служить довольно быстрое и практически беспроблемное восстановление государственного ("корпоративного", в терминологии А.Илларионова) контроля за различными сферами экономической, административной, интеллектуальной и культурной деятельности в стране.

Отсюда и специфика кризисов российских социально-политических систем и режимов на протяжении сотни лет — с начала XX в. до начала XXI в. Ни один из них не может быть представлен как по хрестоматийным схемам раскола и противостояния между "массой" и "элитой"

или "элитой" и "властью", "массой" и властью". Во всех ситуациях пережитых политических переломов и переходов главным действующим фактором оказывалась неспособность данной конфигурации правящих групп сохранять свое господство и порожденные такой ситуацией расколы и конфликты внутри самой конфигурации; "желания" или интересы ниже лежащих общественных слоев значимой роли не играли. В экстраординарных ситуациях социального возбуждения эмоциональный фон массовых ожиданий и иллюзий мог служить лишь дополнительной поддержкой господствующих структур.

Консолидация: фантом и проблема. Изложенные соображения, как представляется, дают возможность подойти к часто возникающей в социально-политических дискуссиях последнего времени теме "консолидации" российского общества или его структурных компонентов.

Проблема консолидированности в зоне самих *властных структур* требует обращения к персонализированным и окказиональным факторам, а потому в ограниченной мере доступна социологическому анализу; пока оставим ее за рамками рассмотрения.

В *"элитарной"* зоне, как отмечено выше, наблюдается скорее *пониженная*, по сравнению с условно "нормальными" образцами или "мировыми" стандартами, степень самоопределения и дифференциации специфических интересов отдельных групп. В то же время налицо *избыточная*, по сравнению с теми же стандартами, консолидированность элитарных и властных структур. В результате не может эффективно исполняться одна из важнейших функций элитарных структур — артикуляция различных общественных позиций и проблем, Получается, что и элита, и общество страдают не от недостаточной консолидированности, а от недостаточной определенности *различных* интересов и позиций. Доминирующей тем самым становится примитивная (по Э.Дюркгейму, "механическая") солидарность однородных, как бы извне, "сверху" организованных или "построенных" единиц. Между тем для развитых социальных систем характерно эффективное взаимодействие самостоятельных, разнообразных и взаимодополняющих субъектов действия ("органическая солидарность").

В зоне отношений *между элитарными структурами и "массами"* на протяжении уже не 100, а примерно последних 300 лет можно было наблюдать смену привычных и (в переломные периоды) непривычных форм противостояния, причем элита практически неизменно выступала как опора и проводник влияния власти (протестующие элитарные течения в конце XIX в. или столетие спустя скорее действовали как "контрэлита").

Приходится констатировать, что ситуация не изменилась и после политического перелома начала 90-х годов прошлого века. Различные по глубине и долговременности перемены на властных и элитарных уровнях не привели к принципиальному пересмотру взаимоотношений и взаимных оценок элитарных и массовых слоев. После недолгого всплеска "всеобщих" надежд реформы 1991–1992 гг., а тем более их инициаторы, воспринимаются общественным мнением преимущественно негативно.

Древняя формула-требование "хлеба и зрелищ" в исторической прагматике давно расчленена на неравнозначные компоненты: одна часть общества нуждается в "хлебе насущном" — средствах удовлетворения повседневных массовых запросов, другая — в "зрелищах", к которым у нас, как известно, относятся также свободы и демократия, допущенные в российскую обитель как предмет зрелища, а не реального массового участия...

Небольшой пример. 76% имеющих высшее образование и 78% с образованием ниже среднего, т.е. практически "все" в равной мере, опасались, что в 2006 г. в России произойдет рост цен, падение благосостояния населения. А "закручивания гаек", ограничения прав и свобод опасались 15% высокообразованных и 6% низкообразованных — здесь уже опасения явно разделены. Примерно такую же картину получим, рассматривая суждения по статусным группам (десятиступенчатая шкала статусов сведена к трем группам): ростом цен обеспокоены в равной мере все (76–78%), а "закручиванием гаек" — 12% в высшей статусной группе и только 5% в низшей (январь 2006 г., N=1600 человек).

Вряд ли можно допустить, что в ближайшем или обозримом будущем эти интересы сомкнутся на элитарных высотах. Более вероятен все же иной вариант "консолидации" интересов и сил, если возвышенно-либеральные ценности и демократические механизмы будут задействованы как средства обеспечения "хлеба насущного", т.е. достойного качества массовой жизни. Этого не произошло ни в годы переломных реформ, ни в месяцы подъема социальных протестов начала 2005 г.

Ограниченная в своих возможностях и претензиях сегодняшняя оппозиционная контрэлита заметной массовой поддержки не получила. Фатальной для нее оказалась неспособность (нерешительность и нежелание) артикулировать массовый протест против экономической политики власти начала 2005 г. Наличие "незаработанных" страной средств, оказавшихся в распоряжении власти, позволило ей в очередной раз использовать популистские настроения ("восстание масс" на российский лад) для укрепления регрессивных тенденций в экономике и политической системе.

За все годы последних перемен и потрясений на отечественном социально-политическом поле сохраняется явное расхождение интересов и опасений "элитарного" и "массового" уровней.

Для российской социально-политической сцены ситуации массового, условно-"всеобщего" эмоционально-политического возбуждения оставались до сих пор редкими исключениями. Одна из них наблюдалась, видимо, весной 1917 г., вторая — в конце 1980-х годов. Сходные признаки обеих ситуаций — крушение и дискредитация "старой" системы господства, взвинченные ожидания, неопределенность перспективы, неизбежно непрочная, рыхлая и кратковременная консолидация разнородных сил и интересов на основе общего отрицания "старого" строя ("негативная консолидация").

В последнее время некоторые аналогии такой структуре социально-политических процессов дают перипетии "цветных" революций в ближнем зарубежье. *Позитивная консолидация*, т.е. консолидация "за", на массово-эмоциональной основе вряд ли могла складываться, для нее требуется некоторая определенность ориентации и организации действующих сил, а вместе с тем и разграничения между их активистами, сторонниками, "попутчиками" и т.п. Стоит заметить, что при отсутствии

атмосферы массового возбуждения оппозиция действующей власти вынуждена искать способы "позитивной" консолидации своих потенциальных сторонников, выдвигая привлекательные программы, лозунги, фигуры лидеров.

Опросы последнего времени представляют существенные особенности массовых установок в отношении российской власти различных эпох. Приводятся результаты однотипных опросов 1998, 2001 и 2005 гг.; в каждом из них респондентов просили указать (в предложенном списке) черты, характерные для власти советской ("застойного" периода) и современной российской (табл. 1).

Фактически по всем *позитивным* качествам (законность, честность, близость людям, прочность, справедливость и др.) показатели, приписываемые советской власти значительно выше, чем соответствующие признаки нынешних властей. А по *негативным* характеристикам (коррупционность, слабость, удаленность от народа и др.) нынешняя система правления в общественном мнении далеко опережает прошлую. Единственное, не очень значимое исключение — по уровню "образованности, интеллигентности" нынешняя власть не уступает "старой".

Примечательны колебания некоторых оценок российской власти за последние годы. Так, распро-

Таблица 1
"КАЧЕСТВА" ВЛАСТИ (в % от числа опрошенных)

Год и месяц опроса	Советской (1970–1990 гг.)			Нынешней		
	1998 г. Январь	2001 г. Январь	2005 г. Ноябрь	1998 г. Январь	2001 г. Январь	2005 г. Ноябрь
1 Законная	32	22	28	12	10	9
2 Честная, открытая	14	11	13	3	3	3
3 Криминальная, коррумпированная	14	13	12	63	50	62
4 Близкая народу, людям	36	30	34	2	3	5
5 Сильная, прочная	27	25	30	2	4	7
6 Эффективная, компетентная	5	10	11	3	3	6
7 Недальновидная	23	14	21	28	17	25
8 Справедливая	16	16	11	3	3	3
9 Слабая, беспомощная	8	6	8	31	21	20
10 "Своя", привычная	32	24	26	3	2	4
11 Непоследовательная	8	6	9	32	25	29
12 "Келейная", закрытая	17	4	13	8	7	8
13 Прагматичная	2	2	5	4	5	6
14 Паразитическая	8	6	5	18	12	15
15 Ограниченная, неумная	9	7	8	12	4	8
16 Авторитетная, уважаемая	21	21	24	2	4	7
17 Компетентная	6	6	7	3	6	9
18 Незаконная	1	3	3	13	10	16
19 Непрофессиональная, безграмотная	6	6	8	13	7	12
20 Далекая от народа, "чужая"	8	8	10	41	34	42
21 Образованная, интеллигентная	8	12	13	6	12	13
22 Бюрократическая	30	26	30	22	24	39
23 Затруднились ответить	11	12	13	9	11	8
Число опрошенных	1500	1600	1600	1500	1600	1600

страненность представлений о коррумпированности власти, о ее непрофессионализме, об удаленности от народа в 2001 г. заметно снизилась, по сравнению с 1998 г. (скорее всего, это было связано с надеждами на новый порядок В.Путина), но к 2005 г. вернулась к прежнему уровню и даже превзошла его. По контрасту с современной властью ее советская предшественница стала казаться опрошенным более законной, сильной, компетент-

ной, уважаемой. В то же время власть нынешняя части опрошенных стала представляться более привычной, авторитетной, сильной, хотя и менее законной. По представлениям о бюрократичности она догнала и перегнала советскую.

Для дальнейшего более подробного анализа ограничимся рассмотрением только тех позиций из списка "качеств" власти, которые привлекли наибольшее внимание респондентов (табл. 2 и 3).

Таблица 2
"КАЧЕСТВА" ВЛАСТИ (группы по возрасту, в % от числа опрошенных)

Качество, возраст	Советской			Нынешней		
	1998 г.	2001 г.	2005 г.	1998 г.	2001 г.	2005 г.
1	2	3	4	5	6	7
Законная						
Все	32	22	28	12	10	9
18–24 года	18	9	14	8	8	10
25–39 лет	28	15	26	13	11	9
40–54 года	35	24	28	11	10	8
55 лет и старше	39	32	36	14	10	8
Криминальная, коррумпированная						
Все	14	13	12	63	50	62
18–24 года	12	12	10	59	34	59
25–39 лет	20	19	11	65	54	63
40–54 года	12	11	15	66	55	63
55 лет и старше	7	8	9	60	50	63
Близкая народу, людям						
Все	36	30	34	2	3	5
18–24 года	22	14	21	2	3	11
25–39 лет	32	26	32	2	3	5
40–54 года	41	31	32	2	4	3
55 лет и старше	43	40	44	3	4	5
Сильная, прочная						
Все	27	25	30	2	4	7
18–24 года	15	14	21	6	3	9
25–39 лет	30	25	30	2	5	7
40–54 года	18	29	28	2	4	7
55 лет и старше	30	28	35	2	4	4
Справедливая						
Все	16	16	21	3	3	3
18–24 года	11	7	15	1	4	3
25–39 лет	12	12	14	3	4	3
40–54 года	17	15	21	2	1	2
55 лет и старше	22	25	29	3	2	3
Слабая, беспомощная						
Все	8	6	8	30	21	20
18–24 года	4	9	9	20	18	16
25–39 лет	7	6	8	31	23	20
40–54 года	12	8	9	32	24	19
55 лет и старше	7	2	7	34	17	23
"Своя", привычная						
Все	32	24	26	3	2	4
18–24 года	21	18	14	5	4	8
25–39 лет	34	24	28	5	2	5
40–54 года	40	26	26	3	3	4
55 лет и старше	30	24	30	2	2	2

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Авторитетная, уважаемая						
Все	21	21	24	2	4	7
18–24 года	23	13	22	5	5	10
25–39 лет	19	20	26	1	4	8
40–54 года	23	21	21	2	4	5
55 лет и старше	21	26	26	2	4	5
Незаконная						
Все	1	3	3	13	10	16
18–24 года	1	4	5	10	7	18
25–39 лет	2	2	3	12	8	17
40–54 года	1	3	5	14	10	15
55 лет и старше	1	1	2	13	12	14
Непрофессиональная, безграмотная						
Все	6	6	8	12	7	12
18–24 года	6	5	5	9	4	10
25–39 лет	6	10	7	15	7	12
40–54 года	5	6	12	15	11	14
55 лет и старше	7	3	5	10	7	11
Далекая от народа, "чужая"						
Все	8	8	10	41	34	42
18–24 года	10	6	9	32	29	38
25–39 лет	9	8	9	39	31	44
40–54 года	8	7	11	50	38	38
55 лет и старше	6	7	9	39	34	42
Образованная, интеллигентная						
Все	8	12	13	6	12	13
18–24 года	8	11	9	5	15	13
25–39 лет	9	9	13	3	13	14
40–54 года	8	13	15	6	10	13
55 лет и старше	7	15	13	10	9	12
Бюрократическая						
Все	30	26	30	22	24	39
18–24 года	27	19	24	16	21	35
25–39 лет	33	34	38	21	25	42
40–54 года	37	30	33	27	24	42
55 лет и старше	23	19	23	21	24	35

Таблица 3
"КАЧЕСТВА" НЫНЕШНЕЙ ВЛАСТИ
 (группы по отношению к В.Путину, в %)

"Качества" власти	Отношение к деятельности В.Путину в целом	
	одобряют	не одобряют
Законная	11	4
Коррупцированная	61	68
Сильная, прочная	8	1
Справедливая	4	1
Слабая, беспомощная	19	24
Далекая от народа	40	46
Бюрократичная	38	40

В глазах молодых людей (до 25 лет) образ советской власти несколько улучшился: она теперь кажется им более законной, прочной, справедливой, менее бюрократической, чем казалась им около восьми лет назад. А у старших возрастов, напротив, представления о достоинствах советского режима по ряду позиций ухудшились: он стал казаться более коррупцированным, менее привычным, более слабым и далеким от народа.

"Лояльные" и "нелояльные": консолидация мнений? Оценки качеств советской власти в электоратах современных политических сил имеют

явно выраженный идеологический характер. Так, эту власть считают законной 43% потенциальных избирателей КПРФ, 35% электората "Родины", 27% — "Единой России", а коррумпированной — лишь 8% сторонников КПРФ, 13% избирателей "Единой России", 14% — "Родины". Близкой к народу видят советскую власть 62% электората КПРФ, 30% — "Единой России", 39% — ЛДПР, 26% избирателей "Родины".

Пожалуй, более интересны данные об отношении тех же электоратов к *нынешней* власти. Ее законность отмечают всего 9% коммунистического электората, что вполне объяснимо. Но и среди сторонников государственной "партии власти" на эту черту обращают внимание не более 14%. Близкой к народу эту власть видят 2% сторонников КПРФ и 6% — "Единой России". Точно так же распределяются в этих группах мнения о близости власти к народу (2 и 6%). В то же время власть считают коррумпированной 73% избирателей КПРФ и 61% избирателей "Единой России", далекой от народа — 49 и 38%, бюрократической — 36 и 38% соответственно. Получается, что *суждения о власти избирателей непримиримой оппозиции и правящей партии не слишком отличаются друг от друга*. Это значит, что власть не имеет сколько-нибудь прочной "идейной" опоры в собственном электорате.

Если взять характеристики нынешней власти у групп, отличающихся мерой *надежд на правительство*, получим следующую картину. Законность нынешней власти отмечают 11% среди тех, кто *надеется* на способность правительства улучшить положение в стране, и 4% среди *не имеющих* такой надежды, справедливость власти усматривают 4 и 3% соответственно, коррумпированность — 57 и 66%, отдаленность от народа — 40 и 46%, бюрократичность — 40 и 46% соответственно.

Аналогичное распределение, точнее, почти полное однообразие суждений о власти, получается при сопоставлении мнений представителей разных мнений о том, как идут дела в сегодняшней России. Из считающих, что дела идут в "правильном направлении", на законность действующей власти обращают внимание 6%, из тех, кто с этим не согласен, — 5%. Называют эту власть близкой народу 4 и 3%, коррумпированной — 68 и 58%, "своей", привычной — 3 и 2% соответственно.

Наконец, обратимся к оценкам власти устами одобряющих и не одобряющих деятельность президента В.Путина (табл. 3).

Таким образом, уровень демонстративно критических оценок сегодняшней власти весьма мало связан с выражениями лояльности по отношению к ее институтам и носителям. Как можно объяснить столь странное на первый взгляд сочетание

лояльности и критичности? Скорее всего, тем, что противоречивые оценки имеют разные основания и исполняют различные функции в структуре массового сознания. Показатели демонстративного "одобрения *в целом*" являются высокими только по отношению к деятельности президента (при том, что *полностью* одобряют его действия 16%; январь 2006 г., N=2100 человек) и означают безальтернативность "последней надежды" населения. Негативные оценки всех прочих властных институтов в значительной мере прагматичны, т.е. обусловлены реальным жизненным опытом людей в обстановке неудовлетворенности и неуверенности в будущем. Как видно из ряда полученных ранее опросных данных, резко критические суждения о власти имущих перекладывают ответственность за все беды и трудности с высшего должностного лица на его окружение и нижестоящих исполнителей. Кроме того, в российском общественном мнении явно или скрыто присутствует противопоставление нынешних порядков советским, преимущественно в пользу последних: в январе 2006 г. 43 против 45% (N=1600 человек) предпочли бы сохранение положения, существовавшего до "перестройки".

Страх вместо доверия? В заключение темы обратимся к данным о доверии и страхе в отношении нынешней власти, полученным в одном из опросов декабря 2005 г. (N=1600 человек). 8% опрошенных сообщили, что они "определенно доверяют" нынешней власти, еще 38% — "скорее доверяют" ей, 49% выразили недоверие, в том числе 16% — "определенно". Общее соотношение доверяющих и недоверяющих власти составило, таким образом, 46:49. Среди самых молодых, до 25 лет, уровень доверия власти наибольший (55:38), среди тех, кому 40–54 года, — наименьший (44:51).

"Бояться" власти, по собственному признанию, 14% опрошенных (лишь 2% "определенно" боятся), скорее и определенно не испытывают страха перед властью 80%. Чаще всего отмечают страх перед властью в старшем возрасте, 55 лет и старше (16:76), реже всего подвержены ему 25–39-летние (11:83). Процентные различия в данном случае не слишком значимы, подавляющее большинство, очевидно, страха перед властью не имеют. Согласно другому декабрьскому опросу, 58 против 30% сочли, что за последние годы в стране стало "больше страха". Но сам этот страх, скорее всего, можно понимать как неуверенность, как "опасения" (нежелательных событий, неверных действий и т.п.), а не как прямую "угрозу" жизни и безопасности людей со стороны власти. Этой характерной для тоталитарных режимов опоры российская власть в настоящее время не имеет.